

Русская литература

№ 3

И С Т О Р И К О - Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й Ж У Р Н А Л

1978

Год издания двадцать первый

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Н. И. Пруцков. Л. Н. Толстой, история, современность	3
Г. Я. Галаган. Путь Толстого к «Исповеди»	23
Я. С. Лурье. «Дифференциал истории» в «Войне и мире»	43
Е. К. Демиховская. Лев Толстой и Эдуард Род (из истории русско-французских литературных связей)	61
В. Е. Багно. Лев Толстой в оценке испанских писателей XIX века	72
В. Э. Рецпер. О композиции «Русалки»	90
К. Н. Григорьян. К вопросу о музыкальной природе лирической поэзии	106

П У Б Л И К А Ц И И И С О О Б Щ Е Н И Я

Д. М. Буланин. К изучению переводческой деятельности Максима Грека	119
С. А. Матяш. Неопубликованные главы поэмы В. А. Жуковского «Рустем и Зораб»	125
И. С. Чистова. Чернышевский и Бутков (комментарий к «Повестям в повести»)	131
В. А. Мысляков. К полемике Чернышевского с «Экономическим указателем» (об авторе «Письма к редактору»)	136
Б. Л. Бессонов. К истории «огаревского дела» (по вновь найденным материалам)	139
Из писем о Льве Николаевиче Толстом (публикация Л. П. Архиповой, Г. Г. Поляковой, И. М. Юдиной)	144
В. Е. Кельнер. Письмо австралийских социалистов Л. Н. Толстому	154
М. М. Калантарова. Из литературной жизни 1920—1930-х годов. (По архивным материалам С. Ф. Буданцева)	155
В. А. Ковалев. В. А. Десницкий о советской литературе	163
А. И. Метченко. Учитель	167

(См. на обороте)

ЗАМЕТКИ, УТОЧНЕНИЯ

Ф. М. Прудников. К ленинской оценке творчества Н. А. Некрасова	169
В. П. Плотников. Когда Лев Толстой начал писать свой трактат об искусстве?	170
В. К. Лебедев. Об одной неточности, повторенной в «Летописи жизни и творчества Л. Н. Толстого»	172

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ю. К. Руденко. Чернышевский-художник (основные тенденции и итоги изучения)	174
Зыгмунт Збыровский. (<i>Польша</i>). Русская советская поэзия в Польше (1918—1939)	187
Ю. Д. Левин. Три книги канадских русистов	199
Л. Н. Назарова. Новые материалы о И. С. Тургеневе во французском бюллетене	208
Т. М. Вахитова. Вопросы метода и мастерства Л. Леонова в учебных пособиях для вузов	241
ХРОНИКА	246

Редакционная коллегия:

В. В. ТИМОФЕЕВА (главный редактор)
В. Г. БАЗАНОВ, А. С. БУШМИН, Л. Ф. ЕРШОВ, В. А. КОВАЛЕВ,
К. Д. МУРАТОВА, Ф. Я. ПРИЙМА, Н. И. ПРУЦКОВ

Отв. секретарь редакции *М. Д. Кондратьев*

Адрес редакции: 199164, Ленинград, наб. Макарова, д. 4. Тел. 218-16-01

Журнал выходит 4 раза в год

Технический редактор *М. Н. Кондратьева*

Корректоры *Л. М. Бова* и *О. И. Буркова*

Сдано в набор 03.05.78. Подписано к печати 18.07.78. М-31882. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 14=19.60 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 25.13. Тираж 16280. Тип. зак. № 369.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Редакция журнала «Русская литература», тел. 218-16-01

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

© Издательство «Наука», «Русская литература», 1978 г.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ю. К. РУДЕНКО

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ-ХУДОЖНИК (ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ)

Вся многогранная литературная деятельность Н. Г. Чернышевского вместила в себя десять лет бурной, кризисной и поворотной эпохи в истории России, которая уже для людей того времени была и, по-видимому, навсегда останется связанной с его именем. Чернышевский — автор эстетической диссертации и литературный критик, Чернышевский — экономист, историк и политический мыслитель, наконец, Чернышевский — журналист и публицист, оказавший во многом определяющее влияние на современное ему общественно-политическое и литературное развитие России, — все эти грани его деятельности были принципиально существенны как для него самого, так и для его современников, независимо от их идеологической ориентации. Каждое новое его выступление, начиная с самых ранних, еще анонимных статей об эфемерных литературных знаменитостях, возросших в затхлой атмосфере «мрачного семилетия», и кончая последними рецензиями, статьями, политическими обзорами и публичными выступлениями, неизменно вызывало острый общественный отклик, привлекало к себе восторженное или негодующее внимание читателей и становилось объектом очередной полемической бури в прессе, которые возникали одна за другой с нарастающей силой и в невиданных дотоле русской журналистской масштабах. Проблемы и противоречия эпохи шестидесятых годов, вызванные ею надежды и опасения, связанное с ними размежевание идеологических и политических тенденций общественного развития именно в сочинениях Чернышевского находили свое наиболее глубокое истолкование, которое в силу этого само становилось мощным фактором общественного движения вперед, глубже обнажало противоречия, сильнее обостряло борьбу, яснее питало надежды одних и усиливало страх других. Можно было любить или ненавидеть Чернышевского — нельзя было его не замечать; можно было восхищаться или раздражаться его суждениями либо его литературной манерой — нельзя было оставаться к ним равнодушными. Все основные качества, отличавшие Чернышевского — ученого и публициста: острота постановки важнейших и существеннейших проблем политического, философского и этического порядка, полемический задор пропагандиста, несокрушимая убежденность в правоте своей позиции, беззаветная вера в разумность общественного движения вперед — в полной мере сказались и в его первом романе, которому суждено было стать последним произведением писателя, дошедшим до читателей-современников. В атмосфере быстро наступавшей правительственной и общественной реакции, под впечатлением основанной на подлогах юридической расправы с Чернышевским его роман вскоре приобрел и надолго сохранил значение литературного и — что еще важнее — политического завещания писателя.

Между тем во время заключения в Петропавловской крепости и потом на каторге и в ссылке Чернышевский продолжал напряженно работать — не менее интенсивно, чем в пору своей журналистской деятельности. Только писал он теперь почти исключительно беллетристические произведения. В Петропавловской крепости вслед за романом «Что делать?» были начаты повесть «Алферьев», «Автобиография» и затем обширный роман «Повести в повести».¹ В Сибири, на Александровском заводе, в 1866—

¹ Сокращенную редакцию «Автобиографии» писатель включил в первую часть «Повестей в повести», тогда как «Алферьев», цикл «Мелких рассказов» и «Рассказы о Крымской войне по Кинглеку» должны были войти в состав второй части этого романа. Работа над ним была прервана в связи с вынесением приговора по делу Чернышевского и отправкой его в Сибирь. Первая часть романа была, по-видимому, уже полностью написана, но еще не окончательно скомпонована, а вторая часть только складывалась в замысле, вбирая в себя и ранее задуманные в качестве самостоятельных произведения. Все эти произведения, за исключением рукописи 1-й главы «Алферьева», переданной из крепости в «Современник», были приобщены к делу и остались запечатанными в архиве.

1871 годах Чернышевским была задумана и почти полностью осуществлена грандиозная по масштабам проблематики и жанровому разнообразию романная трилогия — «Старина», «Пролог» и «Чтения в Белом зале».² О своих литературных занятиях в Вильюске Чернышевский сам писал А. Н. Пышину: «Я пишу всё романы и романы. Десятки их написаны мною. Пишу и рву. Бережь рукописи не нужно: остается в памяти все, что раз было написано» (письмо от 14 августа 1877 года).³ Из этого множества романов сохранились отрывки лишь двух — «Академии Лазурных Гор» и «Отблесков сияния»; другие неизвестны даже по названиям.⁴ Наконец, за год до смерти, в 1888 году, находясь в Астрахани, писатель задумывает новый большой роман — «Вечера у княгини Старобельской» — и создает его начало. Как и прежде, работа над ним оборвалась, когда стала ясна невозможность опубликовать его.

Почти все написанные Чернышевским художественные произведения не были им завершены. Большая их часть погибла. Но и то, что нам известно и что до нас дошло, позволяет с полным правом считать, что роман «Что делать?» не столько завершил литературный путь Чернышевского, сколько открывал во всех отношениях новый этап его творчества, обозначив рождение одного из оригинальнейших и крупнейших в русской литературе писателей-художников. Но этого, нового Чернышевского не могли узнать и не узнали ни современные ему читатели, ни критики: бурное впечатление, произведенное на русское общество романом «Что делать?», так основательно напугало правительство, что ни одно художественное произведение писателя больше уже не могло появиться в русской печати при его жизни.⁵ Для многих поколений читателей Чернышевский остался «автором одного романа».⁶ В этом же качестве он долго фигурировал и в истории русской литературы.

Русские читатели до 1906 года почти ничего не знали о художественно-литературной работе Чернышевского на каторге и в ссылке. В 1899—1900 годах появились два сообщения на эту тему в журналах, оба они основывались на рассказах бывших товарищей Чернышевского по каторге, слышавших в свое время те или иные произведе-

² Точное авторское название последнего романа трилогии остается неустановленным. В письмах Чернышевского и воспоминаниях его товарищей по каторге и ссылке имеются другие варианты названия: «Рассказы из Белого зала», «Книга Эрато». Скорее всего это названия не самого романа, а его частей, причем разных частей. Косвенно на это указывает имеющееся в рукописи повести «Тихий голос» обозначение: «Из Книги Софьи», тогда как другие сохранившиеся фрагменты того же романа Чернышевский обозначал как «эпизоды из Книги Эрато». Подобно «Повестям в повести», этот роман представлял собою сюжетно обрамленный цикл из множества самостоятельных произведений самых разнообразных жанров: в его состав входили, в частности, повесть «Тихий голос» (сокращенная писателем для отдельной публикации и в таком виде получившая название «История одной девушки»), пьеса «Другим нельзя» (два первых и начало третьего действия этой четырехактной пьесы также были приспособлены для самостоятельной публикации и получили новое название «Драма без развязки»), рассказы «Потомок Барбаруссы», «Кормило кормчему» и «Знамение на кровле». Известны также произведения того же времени, не связанные с трилогией, — комедии «Мастерица варить кашу» и «Великодушный муж». Все эти произведения (за исключением романов «Старина», который исчез и судьба рукописи которого остается невыясненной, и «Пролог», первая часть которого была опубликована без указания имени автора еще при жизни писателя за графией по неавторизованной рукописной копии также невыясненного происхождения) до 1906 года оставались лежать в семейном архиве Пыпиных-Чернышевских никому не известными и ни для кого не доступными.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. XV. М., 1950, с. 87.

⁴ «Академия Лазурных Гор» была новым вариантом замысла, аналогичного «Повестям в повести» и «Чтениям в Белом зале». От этого романа сохранилось два стихотворения («Гимн Деве Неба», «Из Видвесты») и небольшой фрагмент начала; от второго — два больших фрагмента 1-й и 2-й глав.

⁵ Публикацию «Гимна Деве Неба» с безличной подписью «Андреев» (так Чернышевский в 80-х годах подписывал свои переводы) (Русский мир, 1885, № 7) нельзя считать исключением из этого правила. Для Чернышевского публикация стихотворения была чем-то вроде удостоверения, которое он выдавал правительству в том, что как романист желает и обещает быть совершенно чуждым каким бы то ни было злободневным русским вопросом. Но даже сложная игра псевдонимами «автора» и «переводчика», которой писатель хотел мистифицировать читателя, была снята при напечатании стихотворения, и продолжение публикации не состоялось. Чернышевский-романист, как и двадцать лет назад, оставался по-прежнему неприемлемым и опасным, с точки зрения цензуры, странным и малопонятным, с точки зрения либерально мыслящих общественных кругов.

⁶ Роман «Пролог», опубликованный П. Л. Лавровым в 1877 году в Лондоне, не изменил и не мог изменить этого положения: он был напечатан анонимно в эмигрантском политическом издательстве, что исключало возможность знакомства с ним широких кругов читателей и прямиго влияния на развитие русской литературы.

ния писателя в авторском чтении или пересказе.⁷ В 1904 году напечатал свои «Воспоминания о Чернышевском» В. Г. Короленко.⁸ Он нарисовал чрезвычайно колоритную фигуру подвижника, мыслителя, ученого и впервые не сухо информативно, а ярко и с большим литературным тактом пересказал то, что слышал о беллетристических сочинениях Чернышевского сибирского периода. В 1906—1907 годах почти одновременно вышли воспоминания о Чернышевском бывших политических заключенных П. Ф. Николаева и В. Н. Шаганова, которые подробно излагали все запомнившееся им относительно романов, повестей, рассказов и пьес писателя, создававшихся во второй половине 60-х годов на Александровском заводе.⁹ Наконец, в 1906 году в составе Полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, изданного сыном писателя М. Н. Чернышевским, впервые были опубликованы и сами художественные произведения Чернышевского 1863—1888 годов — все те, которые хранились тогда в семейном архиве.¹⁰

Весь комплекс указанных выше обстоятельств обусловил характер оценок творчества Чернышевского, которые, в сущности, сложились еще в 60-х годах, в пору его активной журнально-публицистической деятельности и после выхода в свет романа «Что делать?», и, безраздельно господствуя в течение нескольких десятилетий, приобрели силу прочной традиции. Именно борьбой с этой традицией во многих отношениях определялись содержание и тенденции изучения творчества Чернышевского в целом и его художественного наследия в частности. Издержками этой борьбы являются также и не пзжитые до сих пор недостатки на пути такого изучения, и его бросающаяся в глаза неравномерность.

Роман «Что делать?» слишком очевидно и полно резюмировал идеи, которые развивал до того Чернышевский-публицист, слишком щедро и неприкрыто демонстрировал читателям хорошо им знакомые приемы Чернышевского — пропагандиста и полемиста, чтобы у кого-нибудь из них могло возникнуть сомнение в очевидных причинах неожиданного превращения публициста в романиста.¹¹ К тому же сам писатель как будто недвусмысленно заявлял на свой счет: «У меня нет ни тени художественного таланта. Я даже и языком-то владею плохо. Но это все-таки ничего: читай, добрейшая публика! прочтешь не без пользы. Истина — хорошая вещь: она вознаграждает недостатки писателя, который служит ей».¹²

Критики охранительной и либеральной ориентации с поспешной готовностью приняли эту самооценку писателя и на все лады возмущались «наглостью» новоявленного романиста и «безнравственностью» его проповеди, не желая замечать другой его са-

⁷ Соловьев Еvg. Беллетристика Чернышевского. — Научное обозрение, 1899, № 4; Пекарский Э. К. Беллетристика Чернышевского. — Русское богатство, 1900, кн. 10. См. также реплику по поводу пьесы «Другим нельзя» со ссылкой на указ. статьи: Ашешов Н. Мегерлинг или Чернышевский? (Письмо в редакцию). — Образование, 1902, № 10, отд. III, с. 107.

⁸ Короленко В. Г. Воспоминания о Чернышевском. — Русское богатство, 1904, кн. 11. «Воспоминания» Короленко были написаны в 1890 году и раньше опубликованы за границей в 1894 году без ведома автора.

⁹ Николаев П. Ф. Личные воспоминания о пребывании Николая Гавриловича Чернышевского в каторге. (В Александровском заводе). 1867—1872 гг. М., 1906; Шаганов В. Н. Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке. СПб., 1907. Воспоминания о Чернышевском С. Г. Стахевича, также являющиеся одним из основных источников сведений о художественных произведениях Чернышевского периода каторги, лишь в очень незначительных отрывках печатались в 1905 году в одной из провинциальных газет (Закаспийское обозрение, №№ 237—239, 243, 450). Полностью (в той части, в какой касаются Чернышевского) они были опубликованы значительно позже, в 1928 году (в кн.: Н. Г. Чернышевский. М., 1928).

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. X, кн. 1—2. СПб., 1906. В первой книге X тома напечатаны: «Пролог» (обе части), «Тихий голос. История одной девушки», «Другим нельзя, драма без развязки», «Потомок Барбаруссы», «Кормило кормчему», «Знамение на кровле», «Великодушный муж», «Мастерица варить кашу», «Гимн Деве Неба», «Академия Лазурных Гор», «Из Видевств»; во второй — «Алферьев» (1-я и начало 2-й главы) и «Вечера у княгини Старобельской».

¹¹ Об этом впервые четко и в благожелательном по отношению к Чернышевскому тоне сказал Н. С. Лесков в своей статье «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе „Что делать?“». (Письмо к издателю «Северной пчелы»), напечатанной уже в конце мая 1863 года, сразу после завершения публикации романа в «Современнике» (Северная пчела, 1863, № 142, 31 мая): «... г. Чернышевский не беллетрист; на изготовление романа его вызвали обстоятельства, от него не зависящие: потребность деятельности и невозможность ее в другой форме» (Лесков Н. С. Собр. соч. в 11-ти т., т. 10. М., 1958, с. 15).

¹² Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л., 1975, с. 14.

моощенки, данной в романе сразу же вслед за первой.¹³ Их нетрудно понять: эстетическая дискредитация романа была удобной формой его идеологической дискредитации — единственной ее формой, которая вообще могла иметь видимость некоторой убедительности.¹⁴ Резкая противоположность двух самооценок писателя, включенных им в текст романа, свидетельствует о том, что вопрос об эстетическом качестве своего романа сам Чернышевский ставил на уровень общетеоретической проблемы «художественности», которую он же несколько ранее осмыслил наиболее глубоко для своего времени в эстетическом трактате и литературно-критических статьях. Естественно, что никто из враждебных писателю критиков на этом уровне не стоял и подняться до него был не способен. Яркий пример тому — статья Н. Н. Страхова «Счастливые люди», лучшее из всего написанного о романе Чернышевского его противниками. Противопоставляя утверждаемой Чернышевским идее правомерности стремления людей к счастью идею страдания как естественного состояния человека в мире (чем произвольно сужал и тем самым искажал идейную позицию романиста), Страхов не мог обойти молчанием самый факт невиданного общественного резонанса, вызванного романом, и объяснил его тем «напряжением вдохновения», которым пронизан роман и которым он заражает читателя.¹⁵ При этом, вопреки своему сознательному намерению, критик демонстрировал, как неприятие стилистики и поэтики романа Чернышевского становится способом опровержения его идеологии. Апелляция к русской романной традиции, которой противопоставляется у него роман «Что делать?», скрывает нечто прямо противоположное цели, преследуемой в статье, — принципиальную новизну романа Чернышевского как эстетической системы.

Критики революционно-демократического лагеря не могли высказываться так откровенно и полно, как их противники, поэтому в лучшем случае они сдержанно констатировали эстетическую новизну романа «Что делать?», уделяя все свое внимание разъяснению и защите идейной позиции Чернышевского-романиста. К тому же все они уже находились под влиянием нарастающей тенденции к вульгаризации принципов «реальной критики» — тенденции, достигшей своей кульминации в писаревском «разрушении эстетики». Но сам Д. И. Писарев в статье, посвященной «Что делать?», как раз сумел преодолеть эту тенденцию и предложил наиболее эстетически тонкую и глубокую литературно-критическую интерпретацию романа Чернышевского. В частности, по вопросу о художественности его он писал: «... всех, кого кормит и греет ругина, роман г. Чернышевского приводит в неопisanную ярость. Они видят в нем и глумление над искусством, и неуважение к публике, и безнравственность, и цинизм, и, пожалуй, даже зародыши всяких преступлений. И, конечно, они правы: роман глумится над их эстетикой, разрушает их нравственность, показывает лживость их целомудрия, не скрывает своего презрения к своим судьям. . . Оставаясь верным всем особенностям своего критического таланта и проводя в свой роман все свои теоретические убеждения, г. Чернышевский создал произведение в высшей степени оригинальное и чрезвычайно замечательное. Достоинства и недостатки этого романа принадлежат ему одному; на остальные русские романы он похож только внешнею своею формою: он похож на них тем, что сюжет его прост и что в нем мало действующих лиц. На этом и оканчивается всякое сходство».¹⁶

И Лесков, и Писарев, и Страхов — каждый по-своему — оценивали роман «Что делать?» в контексте современной им русской литературы — в сопоставлении «новых людей» Чернышевского с «лишними людьми» от Пушкина до Тургенева и тургеневскими типами «новых людей». Это было и правомерно, и плодотворно. Однако этого было недостаточно, на что недвусмысленно намекал Чернышевский в своих прощальных самооценках. Действительно, резкий слом всей эстетической системы романа, каким он

¹³ «Впрочем, моя добрейшая публика, толкуя с тобою, надобно договаривать все до конца. . . Когда я говорю, что у меня нет ни тени художественного таланта и что моя повесть очень слаба по исполнению, ты не вздумай заключить. . . что я хуже тех твоих повествователей, которых ты считаешь великими, а мой роман хуже их сочинений. Я говорю не то. Я говорю, что мой рассказ очень слаб по исполнению сравнительно с произведениями людей, действительно одаренных талантом; с прославленными же сочинениями твоих знаменитых писателей ты смело ставь наряду мой рассказ по достоинству исполнения, ставь даже выше их — не ошибешься! В нем все-таки больше художественности, чем в них. . .» (там же).

¹⁴ В частности, написанная по заказу М. Н. Каткова статья о романе «Что делать?» А. А. Фета и В. П. Боткина была отклонена редакцией «Русского вестника», по-видимому, именно потому, что авторы статьи, хотя и поиздевались над «нехудожественностью» рецензируемого романа, главные свои оценки направили в русло откровенно политических разоблачений (см.: Незданная статья А. А. Фета о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Вступительная статья Ю. Стеклова. Публикация и комментарий Г. В. Волкова. — Лит. наследство, т. 25—26. М., 1936, с. 477—544).

¹⁵ К о с и ц а Н. [С т р а х о в Н. Н.] Счастливые люди. Статья первая. Один из наших типов. — Библиотека для чтения, 1865, апрель, № 7—8, с. 146 (третьей пагинации).

¹⁶ П и с а р е в Д. И. Соч. в 4-х т., т. 4. М., 1956, с. 8—9.

сложился и в русской, и в европейской традиции XIX века, был слишком очевиден в «Что делать?». Но политическая и идеологическая злободневность романа Чернышевского, сохранявшая остроту на протяжении всей эпохи от 60-х годов до первой русской революции, и насильственное изъятие писателя из русской литературы, непосредственно влияя на которую он был уже навсегда лишен возможности, не позволили ни современному ему, ни позднейшим критикам дореволюционной поры не только вскрыть масштаб эстетического новаторства романа «Что делать?», но даже и увидеть его.¹⁷

Деградация к концу XIX века классических идеологических систем середины века оказалась причиной того, что литературно-критические оценки романа «Что делать?» после его легального издания в 1905 году все сплошь представляли собой убогие и жалкие попытки объяснения «непонятной» популярности романа в читательской среде то «сладостью запретного плода», то интересом молодежи к любовно-эротическим проблемам, то притягательностью для малоподготовленного читателя упрощенных решений, которыми якобы наполнен роман Чернышевского.¹⁸

Именно на этом фоне в 1890—1900-х годах появляются работы Г. В. Плеханова, который первым подверг наследие Чернышевского во всей широте его философской, научной и историко-литературной проблематике научной критике с позиций исторически более высоких, чем собственные позиции Чернышевского, — с позиций марксизма; и в этом состоит непреходящее методологическое значение его работ о Чернышевском, составивших целую эпоху в осмыслении и изучении идейного наследия Чернышевского. Однако нас сейчас интересуют только оценки, данные Плехановым Чернышевскому-художнику. Полнее всего они были развернуты и сформулированы в первой статье о Чернышевском 1890 года.¹⁹ Широкому читателю в России точка зрения Плеханова на роман «Что делать?» и шире — на всю беллетристику Чернышевского в целом стала известна лишь в 1910 году, когда вышла в свет его большая монография о писателе, выдержки из которой тогда же были опубликованы и как глава о Чернышевском в издававшейся под редакцией Д. Н. Овсяннико-Куликовского «Истории русской литературы XIX века».²⁰ Правда, в это время роман Чернышевского оценивался Плехановым уже гораздо более сдержанно и анализировался гораздо менее подробно, чем раньше.

В своем взгляде на роман «Что делать?» как художественное явление Плеханов, в сущности, не пошел дальше критики 60-х годов. Так, он писал в статье 1890 года: «Наши обскуранты не раз указывали на отсутствие в романе художественных достоинств, на его очевидную тенденциозность. С внешней стороны упреки эти справедливы: роман действительно очень тенденциозен, художественных достоинств в нем очень мало. Но пусть укажут нам хоть одно из самых замечательных, истинно художественных произведений русской литературы, которое по своему влиянию на нравственное и умственное развитие страны могло бы поспорить с романом „Что делать?“» и т. д. «В чем заключалась тайна колоссального, неслыханного успеха „Что делать?“»

¹⁷ Он был заметнее там, где роман по необходимости воспринимался в ином, более широком историко-литературном контексте, — в странах Западной Европы. Известно влияние романа «Что делать?» на эволюцию творчества Э. Золя (см., например: А л е к с е е в М. П. Эмиль Золя и Н. Г. Чернышевский. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1940, № 2, с. 93—102; см. также: А л е к с е е в М. П., Н. Г. Чернышевский в западно-европейских литературах. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Тр. науч. сессии к 50-летию со дня смерти. Л., 1941). Замечательную оценку роману дал А. Бебель в своей статье 1885 года (см.: Б е б е л ь А. Идеалистический роман. — Лит. наследство, т. 67, 1959, с. 186—190). В то время как для русской революционно-демократической критики в «Четвертом сне» Веры Павловны на первый план выступила утопическая картина будущего социального устройства и в этой связи очень остро прозвучали некоторые художественные детали этой картины, Бебель отметил в ней совсем другое: «... жемчужиной среди всех эпизодов представляется мне сравнительная характеристика любви в различные исторические эпохи, облеченная в форму снов Веры. Это сравнение, пожалуй, лучшее, что XIX век до сих пор сказал о любви» (там же, с. 190). Если учесть, что литературные и философские источники Чернышевского в картинах «Четвертого сна» были, безусловно, прозрачны для Бебеля и хорошо ему известны (Гегель, Шиллер, Фурье), его оценка выглядит тем более авторитетной.

¹⁸ См., например: Р о з а н о в В. Когда-то знаменитый роман. — Новое время, 1905, 8 июня; М—е [Маркузе И. К.]. По поводу старого романа. — Там же, 20 июня; Ав—въ Я. Н. Г. Чернышевский. Что делать? Роман. СПб., 1905. — Исторический вестник, 1905, июнь; В о л ж с к и й [Глинка А. С.]. По поводу нового издания романа Чернышевского «Что делать?» — Вопросы жизни, 1905, № 6; К л е й н б о р т Л. Из прошлого русского общества. — Образование, 1905, № 6; А г а ф о н о в В. Старые гимны разуму, свободе и «эгоистическому» героизму. — Мир божий, 1905, октябрь; и др.

¹⁹ Социал-демократ, Лондон, 1890, кн. 1.

²⁰ П л е х а н о в Г. В. Н. Г. Чернышевский. СПб., 1910; История русской литературы XIX века. Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского, т. III. М., 1910.

Именно в характере его тенденции, в полной своевременности распространения у нас высказанных автором мыслей» и т. д.²¹ Нетрудно увидеть, что Плеханов говорит здесь то же, что уже было высказано Писаревым. Новым является лишь указание на длительность и интенсивность читательского успеха романа — факт, которого не мог знать Писарев. Более того, если Писарев, защищая тенденцию Чернышевского-романиста, определенно опирается на понимание художественной оригинальности и значительности романа «Что делать?», то Плеханов, защищая право Чернышевского-романиста на тенденциозность, в то же время разделяет взгляд на роман Чернышевского как на произведение очень низкого художественного качества.²² Еще умереннее его оценка, данная в 1910 году: «Художественными достоинствами он (роман, — Ю. Р.) . . . не блещет, хотя и не правы критики, совершенно отрицающие в нем такие достоинства: в нем много юмора и наблюдательности; характер Марьи Алексеевны Розальской, матери героини романа Веры Павловны, очерчен довольно удачно. Но главным его достоинством надо, без сомнения, признать пламенный и совершенно неподдельный энтузиазм, захватывающий читателя и заставляющий его с неослабным вниманием следить за судьбою главных действующих лиц».²³ Принципиально новым и важным моментом в суждениях Плеханова о романе «Что делать?» явился ряд указаний на связь этого романа с традициями западноевропейских литератур: в статье 1890 года называются имена Ж. Санд и Гете,²⁴ в монографии 1910 года и в «Истории русской литературы XIX века» появляется имя Вольтера.²⁵ Эта идея Плеханова тогда же была замечена и поддержана одним из рецензентов монографии Плеханова о Чернышевском Н. Русановым, который добавил имена Диккенса и Руссо.²⁶ Однако ни Плеханов, ни кто-либо другой в то время этой идеи не развернули, и ее конкретная реализация наметиалась гораздо позже, в советское время.

О сибирской беллетристике Чернышевского Плеханов в 1910 году отзывался скупо, сурово и довольно небрежно: «. . . надо признать, что за исключением романа „Пролог“, чрезвычайно интересного уже по одному тому, что он является чем-то вроде личных воспоминаний автора, обремененных в беллетристическую форму, сибирская беллетристика Чернышевского вышла очень неудачной. Она представляет теперь интерес лишь потому, что все-таки прибавляет новую черту к нашему представлению о духовной физиономии нашего автора».²⁷

Работы Плеханова, сыгравшие выдающуюся роль в деле исторического изучения и научного анализа литературного наследия Чернышевского в целом, оказали не менее сильное влияние также и на последующее изучение собственно художественного наследия писателя. Основные положения Плеханова в его оценке Чернышевского-художника надолго предопределили характер исследования и уровень понимания всей беллетристики Чернышевского. Эти положения можно резюмировать следующим образом:

- 1) безусловное превосходство Чернышевского-публициста над Чернышевским-художником;
- 2) безусловное превосходство романа «Что делать?» над всеми другими художественными произведениями Чернышевского;
- 3) безусловное признание в романе «Что делать?» ценности его идеологического содержания и столь же безусловное отрицание его эстетической ценности.

Советское литературоведение, особенно в пору своего формирования, очень долго ориентировалось на эти положения Плеханова, одновременно и опираясь на них, и преодолевая их. Определяющее воздействие в этом отношении оказало на наше лите-

²¹ Плеханов Г. В. Литература и эстетика, т. 2. М., 1958, с. 175—176.

²² Ближе всего позиция Плеханова в этом вопросе напоминает позицию Лескова, статьи которого Плеханов или не знал, или, если знал, то, конечно, не учитывал.

²³ История русской литературы XIX века, с. 162. Здесь точка зрения Плеханова на соотношение достоинств и недостатков в романе «Что делать?» объективно совпадает с одним из исходных положений статьи Страхова, хотя маловероятно, чтобы он сознательно ее учитывал.

²⁴ Плеханов Г. В. Литература и эстетика, с. 176.

²⁵ «Чтобы правильно судить об этом, во всяком случае замечательном, литературном произведении, надо сравнивать его, разумеется, не с художественными произведениями Тургенева, Достоевского или Толстого, а, например, с философскими романами Вольтера. При таком сравнении вопрос об его достоинствах представится в совершенно другом свете» (История русской литературы XIX века, с. 162).

²⁶ «Г. Плеханов сравнивает, между прочим, „Что делать?“ с философскими романами Вольтера. Я бы прибавил, что, кроме того, в „Что делать?“ есть в отступлениях юмористическая манера (я не говорю о степени) Диккенса; есть идейный пафос Руссо, которого сам Чернышевский вспоминает с такой теплотой. А колоссальное влияние „Что делать?“ на читателей можно, действительно, сравнить лишь с влиянием на людей XVIII века „Новый Элопы“ и „Эмилия“» (Русанов Н. С. Ученики Маркса о Чернышевском. — Русское богатство, 1909, № 11, с. 55 второй пагинации).

²⁷ История русской литературы XIX века, с. 161—162. В статье 1890 года роман «Пролог», который, безусловно, был известен Плеханову, даже не упомянут им.

ратуроведение широкое и методологически плодотворное усвоение им высказываний В. И. Ленина о Чернышевском и статей А. В. Луначарского.

В. И. Ленин, как известно, всегда высоко ценил работы Плеханова о Чернышевском и многократно на них ссылался, считая нужным, со своей стороны, постоянно подчеркивать лишь то, чего Плеханов либо не заметил, либо не оценил по достоинству в Чернышевском, — его последовательный и сознательный революционный демократизм. Это же качество Ленин ценил и в позиции Чернышевского-романиста: неслучайно он много раз цитировал роман «Пролог». Сам этот факт красноречиво свидетельствует о том, насколько глубже Ленин видел и насколько острее воспринимал художественное своеобразие романов Чернышевского. Однако конкретные высказывания Ленина о романе «Что делать?», в которых он страстно защищает роман Чернышевского от обвинений в «нехудожественности» и указывает на немеркнущее эстетическое обаяние его, не были произнесены публично и обнародованы только в наше время.²⁸ Ленин говорил в 1904 году: «Я заявляю: недопустимо называть примитивным и бездарным „Что делать?“. Под его влиянием сотни людей делались революционерами. Могло ли это быть, если бы Чернышевский писал бездарно и примитивно?.. Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь. Такого влияния бездарные произведения не имеют».²⁹ Ленин исходит здесь из того же факта, на который указывал и Плеханов, — из факта длительного и глубокого влияния романа на читателей, но, в отличие от Плеханова, видит недопустимое противоречие в том, чтобы, с одной стороны, признавать это влияние, а с другой стороны, продолжать считать его чем-то посторонним эстетической сущности романа. Тем самым Ленин методологически иначе и единственно правильно ставит саму проблему о природе художественности романа «Что делать?» и, следовательно, Чернышевского-писателя в целом.

В 20-х годах ту же проблему и в том же методологическом направлении поставил А. В. Луначарский.³⁰ Луначарский первым обратил внимание на наличие в тексте романа «Что делать?» не одной, а двух взаимоисключающих самооценок писателя, указав на это как на художественный прием и объяснив его функцию. Луначарский первым проанализировал архитектуру романа «Что делать?», первым поставил рядом оба главных романа писателя, отметив глубину и оригинальность реалистической типизации в романе «Пролог», в особенности выделив типы Волгина, Соколовского, Рязанцева, Чаплина, оценив как первооткрытие Чернышевского типы Левицкого и Мерп. Луначарский же сформулировал принцип анализа идеологии и стилистики Чернышевского-художника в связи с его эстетикой, а не только философским и политическим мировоззрением, и подверг развернутой критике концепцию Плеханова в отношении этики, эстетики и литературной критики Чернышевского. Луначарский показал правомерность сопоставления Чернышевского-романиста с величайшими титанами русской классической литературы Толстым и Достоевским и наметил пути историко-литературных исследований в этом направлении. В трактовке Луначарского Чернышевский-беллетрист был впервые осмыслен и оценен как действительно великий писатель, лучшие произведения которого «выдерживают сравнение почти со всем, что имеется в литературе».³¹

Советское литературоведение разрабатывало те именно проблемы изучения Чернышевского-художника и развивалось по тем именно направлениям, которые были указаны в конце 20-х—начале 30-х годов Луначарским.

Прежде всего во второй половине 20-х и на протяжении всех 30-х годов шло интенсивное выявление неопубликованных произведений писателя и их публикация.³² Эта работа завершилась в основном к концу 30-х годов, когда началось издание первого и пока единственного действительно полного собрания сочинений Чернышевского.³³ Именно на базе этого издания до сих пор осуществляется научное исследование творчества писателя, хотя вскоре после его завершения в литературе было убедительно показано, насколько неавторитетным и неудовлетворительным является оно — прежде и больше всего в той части, которая содержит художественные произведения Черны-

²⁸ См.: Ленин о Чернышевском и его романе «Что делать?». Из книги Н. Валентинова «Встречи с В. И. Лениным». Вступительная статья Б. Рюрикова. — Вопросы литературы, 1957, № 8, с. 126—134.

²⁹ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. I. Саратов, 1958, с. 8.

³⁰ Важнейшие статьи Луначарского о Чернышевском: «Этика и эстетика Чернышевского перед судом современности» (1928); «Чернышевский как писатель» (1928); «Романы Н. Г. Чернышевского» (1932) (см.: Луначарский А. В. Собр. соч. в 8-ми т., т. 1. М., 1963; т. 7, М., 1967).

³¹ Луначарский А. В. Статьи о Чернышевском. М., 1958, с. 69.

³² «Мелкие рассказы» (1924—1928); «Автобиография» (1928); «Что делать?» (1929; рукописная редакция); «Повести в повести» (1930); «Алферьев» (1933; полный текст); «Пониманье», «Теория и практика» (1936); «Алферьев» (1939; черновая редакция); «Отблески сияния» (1949).

³³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. I—XVI. М., 1939—1953.

шевского.³⁴ Только роман «Что делать?» и только в самое последнее время издан на уровне современных текстологических требований.³⁵ Задача установления канонических текстов всего корпуса художественных произведений Чернышевского остается до сих пор одной из наиболее острых и актуальных задач советского литературоведения. Косвенным показателем отставания этого раздела науки о Чернышевском является то, что до сих пор в обширной исследовательской литературе о писателе нет ни одной работы, посвященной творческой истории его произведений, в том числе и романа «Что делать?».

Любой персональный раздел литературоведения всегда решает две основные задачи: задачу осмысления творческого пути писателя в целом и задачу анализа принципов его художественного метода. Характер понимания этих задач и уровень их разрешения, а отнюдь не только те или иные конкретные исследования частных разделов всегда чрезвычайно богатого материала, подлежащего изучению, определяют достижения и просчеты литературоведческих персоналий в целом, их методологическое и методическое богатство.

Первый этап советской литературной науки о Чернышевском-писателе был этапом ее становления. Он охватывает полностью 20-е и 30-е годы. О фундаментальном значении работ Луначарского, посвященных Чернышевскому и относящихся именно к этому времени, говорилось выше. Наряду с ними по праву должны быть поставлены работы А. П. Скафтымова. Их значение определяется тем, что Чернышевский-писатель, который до тех пор был исключительно объектом литературно-критических оценок, впервые стал объектом литературоведческого изучения.³⁶

Путь А. П. Скафтымова — исследователя беллетристики Чернышевского — показателен для всего первоначального периода в истории советского литературоведения о Чернышевском. Накануне юбилея 1928 года ученый опубликовал три статьи,³⁷ которые в совокупности намечали основные аспекты литературоведческого изучения Чернышевского-беллетриста:

1) всестороннее исследование романа «Что делать?» как явления художественного независимо от отношения к вопросу о степени или качестве его «художественности»;

2) изучение творческого пути писателя в целом, его становления, эволюции и эстетического своеобразия;

3) установление места Чернышевского-романиста в литературном процессе и, в частности, выяснение его литературных связей с предшествующими и современными ему писателями.

Каждая статья выдвигала на первый план один из этих аспектов, но учитывала и другие. Литературоведческий метод ученого состоял в том, чтобы анализировать художественную концепцию Чернышевского-писателя как неповторимую эстетическую систему. Результаты, достигнутые тогда, были неравноценны: статья «Чернышевский и Жорж Санд» до сих пор сохраняет свою научную ценность, зато многие итоговые выводы исследователя в статьях о «Что делать?» и «Отблесках сияния» вступили в противоречие с принципиальными положениями, выдвинутыми уже в 1928 году Луначарским, и в 30-х годах были пересмотрены или уточнены самим Скафтымовым. Но и ошибки ученого были не случайны. Они явились закономерным результатом противоречия между исходным принципом его исследовательского метода и такой непоследовательностью в его применении, которая самому ученому в то время не могла быть видна. Так, статья о «Что делать?» имела подзаголовок: «Его (романа, — Ю. П.) идеологический состав и общественное воздействие». Но это не было ограничением угла зрения при анализе материала, это было только указанием на центральную проблему исследования. Предложенное здесь описание идеологического состава романа «Что делать?» (не потерявшее и в наше время своей научной ценности) позволило исследователю всесторонне развернуть анализ произведения. Вторая половина статьи посвящена описанию своеобразного стиля романа, причем стиль произведения объ-

³⁴ Е ф р е м е н к о Э. Л. Публикация художественных произведений Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Вопросы текстологии. М., 1957, с. 189—222.

³⁵ Ч е р н ы ш е в с к и й Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л., «Наука», 1975 (серия «Литературные памятники»).

³⁶ Литературный критик актуализирует свое собственное отношение к оцениваемому литературному явлению, причем это отношение является одной из типичных для эпохи критика общественных позиций. Литературовед выдвигает на первый план само литературное явление как такой объект изучения, смысл которого должен быть понят в контексте эпохи, вызвавшей к жизни это явление. Общественная актуальность литературоведческого исследования проявляется всегда как актуальность прежде всего научного метода, положенного в его основу.

³⁷ См.: С к а ф т ы м о в А. П. 1) Роман «Что делать?». (Его идеологический состав и общественное воздействие). — В кн.: Чернышевский. Неизданные тексты. Статьи. Материалы. Воспоминания. Саратов, 1926; 2) Неизданная повесть Н. Г. Чернышевского «Отблески сияния» среди его сибирской беллетристики. — В кн.: Николай Гаврилович Чернышевский. Неизданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928; 3) Чернышевский и Жорж Санд. — Там же.

яснен его «идеологическим составом». И все же в результате анализа ученый пришел к выводу, что роман Чернышевского якобы оставляет «резкое впечатление. . . общей художественной недостаточности».³⁸ Стиль мыслился как некая система приемов, которые и сами по себе, и как система могут обладать или не обладать эстетической ценностью. Стиль романа Чернышевского был понят как необходимо вытекающий из его «идеологического состава», но не был понят как необходимо выражающий его. Логика рассмотрения стиля в статье подчинена не закономерностям самого стиля, а традиционной презумпции «нехудожественности» данного романа. Таким образом, вывод о «художественной недостаточности» романа «Что делать?» вовсе не был выводом из его анализа; это было только формулирование в качестве вывода исходного постулата, с точки зрения которого в действительности производился анализ. Чтобы получить правильный вывод, формулировку исследователя надо переосмыслить и продолжить: роман Чернышевского потому производит впечатление «художественной недостаточности», что «резко» нарушает все основные принципы той художественной системы, которая господствовала в литературе его времени и на фоне которой роман воспринимался.³⁹ Очевидно, что и такой вывод является промежуточным; после него должен быть поставлен вопрос о том, какая же другая художественная система выстраивается в романе и подчиняется ли стиль романа ее конституирующим принципам (этого вопроса ученый не поставил ни в статье 1926 года, ни в статьях 30-х годов). Таким же был подход Скафтымова и к беллетристике Чернышевского в целом. В статье об «Отблесках сияния», которая тоже была шире своего названия и в которой предпринята первая в советском литературоведении попытка обзора и характеристики всего творческого пути писателя после «Что делать?», ход исследования не изданного в то время позднего романа Чернышевского в общих чертах повторяет логику исследования романа «Что делать?». В подходе к творчеству Чернышевского-писателя в целом здесь господствует и прямо провозглашается та же презумпция «общей нехудожественности», которая проявляется в том, что анализ и оценка всех произведений писателя даются исключительно в проблемно-тематическом плане.

Методологически сильные стороны ранних статей А. П. Скафтымова о Чернышевском были сохранены и выдвинуты на первый план в его же статьях 30-х годов.⁴⁰ В частности, ученый специально характеризовал роман «Что делать?» «как особый этап в развитии метода художественного реализма», отметив, что он «содержит в себе существенные элементы наиболее высокого художественного метода — социалистического реализма»,⁴¹ однако эта мысль не была ни развернута, ни доказана. Методологически слабые стороны своих ранних статей Скафтымов устранил, но не преодолел: он отказался от обсуждения вопроса об эстетическом своеобразии Чернышевского-беллетриста, по существу не изменив своей прежней точки зрения.⁴²

Работы А. П. Скафтымова 20—30-х годов о Чернышевском были не только принципиальным началом и самым крупным достижением на пути литературоведческого

³⁸ Чернышевский. Неизданные тексты. Статьи. Материалы. Воспоминания, с. 132.

³⁹ Плодотворной попыткой анализа стиля романа «Что делать?» именно с точки зрения такого понимания самой проблемы стиля были статьи И. К. Ипполита, близкие по времени к первым статьям А. П. Скафтымова о Чернышевском, но методологически ориентировавшиеся уже на принципы, заявленные А. В. Луначарским (см.: И п п о л и т И. К. 1) Политический роман 60-х годов (Тургенев и Чернышевский). — Литература и марксизм, 1931, кн. 1; 2) Тургенев и Чернышевский. — Пролетарская литература, 1931, № 4).

⁴⁰ Скафтымов А. П. 1) Художественные произведения Чернышевского, написанные в Петропавловской крепости. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Сборник статей к 50-летию со дня смерти великого революционера-демократа. Саратов, 1939; 2) Сибирская беллетристика Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Сборник, посвященный 50-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1940.

⁴¹ Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972, с. 266—267.

⁴² Об этом недвусмысленно свидетельствуют более поздние заявления ученого в его комментариях к публикации художественных произведений Чернышевского в Полном собрании сочинений. Так, о произведениях 1863—1864 годов, написанных после романа «Что делать?», сказано: «. . . произведения этих лет, будучи лишены художественных достоинств романа „Что делать?“, представляют значительный интерес для изучения биографии Н. Г. Чернышевского» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. XII, с. 687); о произведениях 1867—1889 годов: «. . . большая часть беллетристической продукции, публикуемой в настоящем томе, не обладает теми высокими достоинствами, которыми отмечены „Что делать?“ и „Пролог“, сохраняя чисто научный интерес как факт биографии Чернышевского» (там же, т. XIII, с. 886). Таким образом, очевидно, что А. П. Скафтымов изменил свою оценку двух наиболее выдающихся романов писателя и всегда продолжал отрицать художественные достоинства за всеми другими его беллетристическими сочинениями. Это полностью соответствует оценкам, данным в конце 20-х—начале 30-х годов А. В. Луначарским, с той разницей, что последний давал такую оценку предположительно, а не безусловно.

изучения Чернышевского-писателя, но в известном смысле на протяжении всего периода они оставались единственными работами, посвященными комплексному рассмотрению собственно художественной проблематики творчества Чернышевского. Внимание литературоведов в 30-е годы сосредоточивалось исключительно на двух романах писателя — «Что делать?» и «Прологе», в изучении которых было сделано чрезвычайно много. Однако все исследования и характеристики давались в том именно направлении, которое наметилось уже в ранних статьях Скафтымова и затем резюмировалось его более поздними статьями: это был проблемно-тематический и идейно-содержательный анализ романов.⁴³ Некоторые другие художественные произведения писателя, как правило, только упоминались, и то исключительно в монографиях биографического плана.⁴⁴ Из этих работ массовый читатель-неспециалист (а именно ему они были адресованы, и только они были адресованы ему) мог узнать очень немногое о характере, содержании и своеобразии творчества Чернышевского-беллетриста. Беглость обзора порой приводила к упрощению в интерпретировании и вытекающему из него искажению в сообщении фактов. Так, И. Нович серьезно утверждал: «Чернышевский считал эту свою повесть («Алферьев», — Ю. Р.) „смешной“ и „невинной“ в цензурном отношении», как он писал в одном из своих писем, сообщая, что хохочет, когда пишет сцены этой повести».⁴⁵ Чернышевский действительно писал это, но отнюдь не «считал», что это так. Или: при перечислении сибирских произведений Чернышевского автор называет сначала произведения 70—80-х годов (ошибочно указывая дату публикации «Гимна Деве Неба» — 1895 вместо 1885), а потом произведения конца 60-х годов; общее название четырех отрывков одного произведения — «Эпизоды из Книги Эрато» — ставит рядом с названием самих этих отрывков, как если бы это было самостоятельное произведение, и завершает перечисление «Вечерами у княгини Старобольской», которые писались в Астрахани в последние годы жизни писателя.⁴⁶ Во всех монографиях сама беглость упоминаний и характеристики беллетристических произведений Чернышевского внушала читателю мысль о их литературной незначительности; часто эта мысль прямо высказывалась. Лишь к концу 30-х годов стали появляться отдельные статьи, специально посвященные другим художественным произведениям Чернышевского.⁴⁷

Следующее двадцатилетие внесло в науку о Чернышевском-писателе определенные сдвиги, хотя еще и не принципиально методологического характера. Прежде всего интерес исследователей обращается теперь не исключительно к традиционно выделяемым в творчестве писателя романам (хотя по-прежнему главное внимание исследователей приковано к ним), но в поле зрения литературоведов оказывается почти вся его беллетристика от юношеских опытов Чернышевского-студента до пьес, рассказов и романов сибирского времени.⁴⁸ В этот период завершается издание Полного собрания сочинений писателя, появляется второе, значительно расширенное и дополненное издание «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского» Н. М. Чернышевской (М., 1953; изд. 1-е — М., 1933), впервые издаются двухтомный сборник «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников» (Саратов, 1958) и «Семинарий» по Чернышевскому М. П. Николаева (М., 1954; изд. 2-е — М., 1958). В 40—50-х годах появляется ряд новых биографических очерков о Чернышевском, в которых уделяется необ-

⁴³ Систематизацию и анализ этой литературы см.: Скафтымов А. П. Изучение жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского за 30 лет (1917—1947). — Учен. зап. Саратовск. ун-та, 1948, т. XIX; Супоницкая П. А. Изучение Н. Г. Чернышевского в Саратове за советский период (1917—1958). Библиография. Саратов, 1960; Покусаев Е. И., Порох И. В. Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского в трудах саратовских ученых. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, т. 2. Саратов, 1961; Илова М. В., Супоницкая П. А. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в советских изданиях и критической литературе. (1917—1960). Библиографический указатель. — Там же, т. 3, 1962.

⁴⁴ См., например: Иков В. К. Жизнь и деятельность Николая Гавриловича Чернышевского. М., 1928, с. 164—166, 182, 187—188; Нович И. Жизнь Чернышевского. М., 1939, с. 297—302, 313; Скафтымов А. Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1939, с. 67, 75—77, 84, 88—89; 90, 93—94; Бельчикова Н. Н. Г. Чернышевский. (Критико-биографический очерк). М., 1946, с. 159.

⁴⁵ Нович И. Указ. соч., с. 297.

⁴⁶ Там же, с. 301.

⁴⁷ Жирмунский В. Гете в русской литературе. М., 1937, с. 367—372 (об отношении Чернышевского к Гете и о юношеском замысле повести «Пониманье»); Меведев А. П. Литературное ученичество Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Сборник, посвященный 50-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1940; Николаев М. Мелкие рассказы Чернышевского. — Литературная учеба, 1939, № 10; Пулинец А. Образ нового человека в повести Чернышевского «Алферьев». — Научн. зап. Ворошиловгр. пед. ин-та, 1940, т. 1.

⁴⁸ См. указанные выше обзорные статьи и библиографические указатели. См. также: История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. Под ред. К. Д. Муратовой. М.—Л., 1962.

ходимое внимание художественному творчеству писателя. Здесь беллетристика Чернышевского в целом обозревается еще традиционно бегло и неполно, характеризуется по-прежнему главным образом в проблемно-тематическом аспекте, но уже исчезают фактические ошибки, которые были нередки прежде, а разборы романов «Что делать?» и «Пролог» становятся более тонкими, более концептуальными и глубокими.⁴⁹ Наконец, в 50-х годах появляется также целый ряд обобщающих трудов и монографий, значительно расширяющих и пополняющих проблематику статей Скафтымова 30-х годов: это главы в академической «Истории русской литературы», принадлежащие Л. М. Лотман и Г. А. Бялому,⁵⁰ и две фундаментальные монографии о Чернышевском-писателе, созданные Г. Е. Тамарченко и М. П. Николаевым.⁵¹ Это были первые в советском литературоведении монографии о Чернышевском-художнике, и каждая из них внесла свой весомый вклад в разрешение трудной задачи многостороннего и ориентированного на исследование эстетической природы изучения творчества Чернышевского-писателя. В монографии Г. Е. Тамарченко основное внимание исследователя было направлено в сторону углубленного рассмотрения эстетических проблем типизации и сюжетно-композиционного строения романов «Что делать?» и «Пролог»; другие произведения писателя здесь только коротко обозревались. В монографии М. П. Николаева на первый план выдвинута задача полноты изучения творчества Чернышевского-художника. Обе задачи не только тогда были, но и сейчас остаются главным и далеко не разрешенными задачами науки о Чернышевском. Этим обстоятельством определяется историко-литературоведческое значение этих первых специальных исследований. Конкретные результаты, предложенные авторами монографий, в настоящее время представляются во многом недостаточными, и прежде всего с методологической точки зрения. Однако причину этого следует видеть главным образом в тогдашнем общем состоянии советского литературоведения, тогда как проблематика обоих исследований является бесспорной заслугой их авторов.

Новый, современный этап в изучении Чернышевского-писателя намечается в конце 50-х годов. Он обусловливается общим методологическим подъемом, который начинает переживать советское литературоведение в целом. В литературе о Чернышевском его начало должно быть связано с появлением в 1958—1961 годах ряда статей А. А. Лебедева о романах «Что делать?» и «Пролог» и выходом в свет его монографии.⁵² Исследование А. А. Лебедева остро проблемно, причем методологически проблемно. Его центральная задача состоит в постановке вопроса «об эстетическом своеобразии художественного метода Чернышевского».⁵³ Решается эта задача во всех своих основных аспектах: и как теоретическое исследование категории художественного метода на данном историко-литературном материале, и как конкретное исследование неповторимо своеобразного художественного метода писателя в каждом конкретном его произведении, и как научный критерий для выяснения природы «художественности» произведений данного художника, а также для установления его действительной творческой эволюции и его места в литературном процессе. Однако наиболее принципиальное значение в исследовании ученого приобрела впервые именно им принятая без всяких оговорок презумпция *художественности* романов Чернышевского, которая и позволила ему развернуть анализ всей намеченной в работе проблематики с такой глубиной, последовательностью и четкостью, которые до тех пор были недоступны ни для кого из писавших о Чернышевском.⁵⁴ Анализ А. А. Лебедева, показавший наличие в «Что делать?» особой эстетической категории — революционной романтики, предопределил общую трактовку вопроса о своеобразии Чернышевского-художника, его месте и значении в русской литературе критического реализма, — трактовку, впоследствии принятую и повторенную в итоговых трудах по истории русской литературы.⁵⁵

В литературоведении двух последних десятилетий на первый план выдвигается и становится доминирующей тенденцией исследование художественного метода Чернышевского в его целостной специфике и в его отдельных аспектах. Это наблюдается прежде всего в работах о романе «Что делать?». Большинство их являются работами

⁴⁹ См. в особенности: Р ю р и к о в Б. Н. Г. Чернышевский. Критико-биографический очерк. М., 1953 (изд. 2-е — М., 1961); П о к у с а е в Е. И. Н. Г. Чернышевский. (Критико-биографический очерк). Саратов, 1953 (изд. 5-е — М., 1976).

⁵⁰ Б я л ы й Г. А. Проза шестидесятих годов. — В кн.: История русской литературы, т. VIII, ч. 1. М., 1956; Л о т м а н Л. М. Чернышевский-романист. — Там же.

⁵¹ Т а м а р ч е н к о Гр. Романы Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1954; Н и к о л а е в М. П. Художественные произведения Н. Г. Чернышевского, написанные на каторге и в ссылке. — Учен. зап. Тульск. пед. ин-та им. Л. Н. Толстого, 1953, вып. 10.

⁵² Л е б е д е в А. Герои Чернышевского. М., 1962.

⁵³ Там же, с. 8.

⁵⁴ Нетрудно увидеть, что категоричность утверждения такой позиции соответствует ленинской постановке проблемы, которая была обнародована в 1957 году и, по-видимому, оказала влияние на ученого.

⁵⁵ См.: История русской литературы в 3-х т., т. III. М., 1964, с. 232, 241; Развитие реализма в русской литературе, т. 2, кн. I. М., 1973, с. 297, 317, 321.

монографического типа, т. е. преследуют задачи целостного анализа произведения.⁵⁶ По полноте и концептуальности анализа в их ряду должна быть выделена небольшая монография Н. Н. Наумовой. После монографии А. А. Лебедева именно здесь наиболее четко решается задача исследования романа Чернышевского как произведения эстетически полноценного. Напоминаая о силе непосредственного воздействия романа на читателей, исследовательница указывает, что этот факт не может быть объяснен силой идей романа: «ведь эта же идея не менее глубоко выражена и в публицистике Чернышевского. Здесь дело в удивительно органичном сплаве научной революционной мысли и силы искусства».⁵⁷ Далее, в ходе анализа, вскрывается новаторский характер и сюжетно-композиционной формы романа, и его идеологического состава, и его стилистики. Таким образом, только через полвека после появления первого советского литературоведческого исследования романа «Что делать?» — статьи А. П. Скафтымова 1926 года — ее проблематика и аргументация были полностью пересмотрены и убедительно переосмыслены с новых методологических позиций, так что тезис о художественной недостаточности романа Чернышевского был окончательно дискредитирован в научном отношении.

Важным вкладом в изучение проблемы жанра романа «Что делать?» явилась большая статья Л. М. Лотман «Социальный идеал, этика и эстетика Чернышевского» в коллективной монографии Института русской литературы АН СССР «Идеи социализма в русской классической литературе».⁵⁸ В этой статье давно поднимавшийся и обсуждавшийся в литературе вопрос об элементах утопии в романе Чернышевского получил глубокую разработку и тоже переосмыслен. Л. М. Лотман проанализировала роман в свете особой жанровой традиции мировой литературы и показала идейную, эстетическую и историко-литературную необходимость обращения Чернышевского-романиста к этой традиции. После ее работы стало очевидным, что следует говорить не об отдельных вкраплениях в художественную ткань романа утопических элементов, понятиях как результат исторической слабости мировоззрения Чернышевского, а о создании Чернышевским-художником нового типа утопического романа, сознательно включенного писателем в систему реалистических жанров литературы его времени. «Утопизм» Чернышевского-художника, таким образом, осмыслен не как «слабость» романиста, а как принцип его реалистического метода. Эта концепция была развернута автором в более поздней монографии, где творчество Чернышевского-романиста рассматривается еще и в многообразных историко-литературных связях его эпохи.⁵⁹ В особенности подробно развернуто здесь сопоставление проблематики романного творчества Чернышевского и Достоевского.⁶⁰

Существенный вклад в изучение Чернышевского-писателя вносят также последние работы Г. Е. Тамарченко.⁶¹ Давно вошло в традицию рассматривать идейную позицию Чернышевского-романиста в сопоставлении с тем кругом идей, которые разрабатывал Чернышевский-публицист, и романы писателя обычно трактовались как созданная им самим художественная иллюстрация собственных прежних теоретических построений. Первым заявил о схематизме такого понимания позиции Чернышевского-художника, о наличии в его мировоззренческих взглядах определенной эволюции, отразившейся именно в его художественных произведениях, А. А. Лебедев. Но Лебедев говорил об этом, имея в виду только «Пролог». Г. Е. Тамарченко уже в главе о Чернышевском-романисте в академической «Истории русского романа» поставил эту проблему более широко и полно, показав, что такая эволюция присутствует и в «Что делать?». Эта концепция развивается исследователем в недавней монографии о Чернышевском-романисте. В романе «Что делать?», как показывает Тамарченко, иначе,

⁵⁶ В е р х о в с к и й Г. П. О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Ярославль, 1959; Г р о м о в Н. И. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Л., 1963; С м о л ц к и й В. Г. Из р а в е л и н а. О судьбе романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». М., 1968 (2-е изд. — М., 1977); Р ю р и к о в Б. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». — В кн.: Р ю р и к о в Б. О русских классиках. М., 1972; Н а у м о в а Н. Н. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Л., 1972. В ряду этих монографий должна быть поставлена также книга: П и н а е в М. Т. Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?». М., 1963.

⁵⁷ Н а у м о в а Н. Н. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», с. 13.

⁵⁸ Идеи социализма в русской классической литературе. Л., 1969.

⁵⁹ Л о т м а н Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. (Истоки и эстетическое своеобразие). Л., 1974.

⁶⁰ Первое развернутое исследование на эту тему принадлежит Д. Л. Сорокиной. См.: С о р о к и н а Д. Л. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» и общественно-литературная борьба 1860-х годов. Автореф. дис. Л., 1956. См. также: Н а л ь г и е в а Х. Ш. К проблеме идеально-положительного героя в романах «Идиот» Достоевского и «Что делать?» Чернышевского. — В кн.: Актуальные проблемы литературы. Ростов н/Д., 1971.

⁶¹ Т а м а р ч е н к о Г. Е. 1) Чернышевский и борьба за демократический роман. — В кн.: История русского романа в 2-х т., т. 2. М.—Л., 1964; 2) «Что делать?» и русский роман шестидесятых годов. — В кн.: Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л., 1975; 3) Чернышевский-романист. Л., 1976.

чем в предшествующей публицистике, выглядит этическое учение Чернышевского; оно теряет свою отвлеченно-рационалистическую категоричность и приобретает такого рода нюансировку, которой прежде не имело, более того — оно «вовсе не сводится к „теории расчета выгод“».⁶² Это, конечно, эволюция, и условием ее возникновения и разработки оказывается сам художественный контекст романа. Таким образом, последний период литературного творчества Чернышевского, период создания его художественных произведений, выступает в книге Тамарченко как качественно новый этап идейно-мировоззренческого развития писателя. Нельзя не увидеть, что путь, намечаемый исследователем, чрезвычайно плодотворен и открывает новую область исследований. Нетривиально в монографии и предлагаемое автором определение жанрового типа романов Чернышевского, который назван здесь «интеллектуальным романом».⁶³ Впервые глубокое обоснование получает в данной монографии проблема становления Чернышевского-художника, которое прослеживается через весь десятилетний период журнально-публицистической деятельности писателя. Наконец, в книге Тамарченко анализ художественного творчества Чернышевского дается в подробно и внимательно разработанных исследователем сопоставлениях с творчеством Некрасова, Тургенева, Лескова и в особенности Достоевского и Л. Толстого. В этом плане монография Г. Е. Тамарченко смыкается и с работами Л. М. Лотман, и с рядом других статей и книг.⁶⁴ Однако книга Тамарченко, будучи последней по времени общей монографией о Чернышевском-беллетристе, ярко демонстрирует и такие тенденции в понимании его художественного своеобразия и в отношении к его литературно-художественному наследию, которые до сих пор еще не изжиты в советском литературоведении, хотя и выглядят анахронизмом. Это, во-первых, встречающиеся в ней оговорки о «непластичности» тех или иных моментов стиля романиста и, во-вторых, неполнота охвата материала, подлежащего исследованию в аспекте избранной темы. Тема «Чернышевский-романист» уже давно ожидает полной разработки, так как практически все художественные произведения писателя, дошедшие до нас в рукописях и известные в пересказах, или являются романами, или составляют части романов. А относительно «непластичности» Чернышевского следует заметить, что вся история советского литературоведения представляет собою по существу картину неуклонного опровержения правомерности такого эстетического восприятия произведений писателя.

В литературоведении последних десятилетий продолжается изучение международного распространения известности и влияния Чернышевского, в частности Чернышевского-романиста.⁶⁵ Значительным достижением в этом направлении является монография Е. Н. Купряновой и Г. П. Макогоненко «Национальное своеобразие русской литературы»,⁶⁶ где идеология и стилистика Чернышевского — автора «Что делать?» — осмыслены не в противоположении другим великим русским романистам, а в их национально-типологическом, этическом и эстетическом родстве и, что не менее важно, в сопоставлении с западноевропейским реализмом XIX века.

Создание рассмотренных выше фундаментальных работ о Чернышевском-художнике привело к известному качественному перелому в самом подходе к изучению всего комплекса проблем, связанных с постановкой этой темы в советском литературоведении: увеличился удельный вес монографических работ по сравнению с отдельными

⁶² Т а м а р ч е н к о Г. Е. Чернышевский-романист, с. 184.

⁶³ Однако, чтобы концепция «интеллектуального романа» приобрела необходимую научную убедительность, недостаточно показать ее допустимость на основании приманной характеристики самих анализируемых романов — нужно доказать ее обязательность. Таких доказательств Г. Е. Тамарченко не приводит. Очевидно, этот вопрос нуждается в специальной теоретической разработке. В настоящее время представляется гораздо более убедительной теоретическая разработка концепции «философско-публицистического романа» (в частности, и с учетом «Что делать?» Чернышевского), предложенная В. Е. Ветловской (В е т л о в с к а я В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л., 1977, с. 3—12).

⁶⁴ См., например: Н и к о л а е в М. П. 1) Л. Н. Толстой и Н. Г. Чернышевский. Тула, 1969; 2) Н. Г. Чернышевский и его современники. Тула, 1974; П и н а е в М. Т. Наследие Н. Г. Чернышевского и демократическая литература 60—80-х годов. — Учен. зап. Волгogr. пед. ин-та, 1968, вып. 27; М о р о з е н к о Л. Н. Л. Н. Толстой и Н. Г. Чернышевский. (На путях развития психологизма). Автореф. дис. Л., 1973; О д н о к о в В. Г. Художественная системность русского классического романа. Новосибирск, 1976.

⁶⁵ См. указ. выше библиографические справочники, а также: С у п о н и ц к а я П. А., И л ь и н а А. Я. Н. Г. Чернышевский. Указатель литературы. 1960—1970. Саратов, 1976. Из работ последнего времени см.: П о л и с Т. В. Две рецензии на роман Чернышевского «Что делать?» в английской социалистической печати 80-х годов. — В кн.: Русская литература и мировой литературный процесс. Л., 1973; Г р и г о р ь е в А. Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. Л., 1977.

⁶⁶ К у п р я н о в а Е. Н., М а к о г о н е н к о Г. П. Национальное своеобразие русской литературы. Очерки и характеристики. Л., 1976 (глава Е. Н. Купряновой — «Проблема народа и художественной правды в понимании теоретиков и писателей „натуральной школы“, Бальзака и Ж. Санд. „Что делать?“ Чернышевского»).

статьями; увеличился удельный вес статей о слабо изученных произведениях писателя по сравнению со статьями, посвященными отдельным аспектам двух традиционно изучавшихся романов писателя; значительно больше появилось и появляется работ, исследующих сквозные проблемы творчества Чернышевского-романиста.⁶⁷

Подводя итоги всему более чем пятидесятилетнему пути развития советской литературной науки о Чернышевском-художнике, следует прежде всего подчеркнуть ценность накопленного опыта, фундаментальную важность методологических достижений и громадный объем проделанной работы по выявлению, изданию, изучению и глубокому историческому и эстетическому осмыслению литературно-художественного наследия великого писателя. Его первостепенное значение для всех магистральных тенденций развития русской классической литературы середины и второй половины XIX века можно считать сегодня прочно установленным и неопровержимо доказанным. Достижение этого результата является тем качественным сдвигом, который уже сегодня ставит перед исследователями задачу развернуть дальнейшее изучение творчества Чернышевского-писателя во всей его фактической полноте, в его эволюции, в его эстетическом своеобразии и в его конкретных взаимосвязях с русской и мировой литературой.

З И Г М У Н Т З Б Ы Р О В С К И Й
(Польша)

РУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ В ПОЛЬШЕ (1918—1939)

Проблема восприятия русской советской поэзии в междувоенной Польше представляет собой несомненный научный интерес. Это исключительно важный этап русско-польских литературных связей вообще. Благодаря настойчивой, последовательной работе ряда переводчиков и литературных критиков была успешно продолжена традиция ознакомления польской общественности с лучшими достижениями русской поэзии.

Труды польских исследователей убедительно доказывают, что польско-русские литературные контакты начались еще в XI веке и потом оставались более или менее тесными в зависимости от политических и других обстоятельств, но никогда не прекращались.¹ Особенного расцвета достигли польско-русские литературные связи в XIX веке. В этот период можно проследить не только внешние контакты, проявляющиеся во взаимных переводах и доброжелательной информации о самых выдающихся поэтических явлениях в литературах обоих народов (в этой работе участвовали многие польские и русские поэты). Но есть основания говорить также о более глубоких типологических, идейных и художественных связях и аналогиях в творчестве ряда поэтов, которые разрабатывали сходные мотивы, выражали близкие идеи и находили для них общие художественные приемы и средства.²

В Народной Польше в совершенно новых условиях ведется огромная, во многом уже планомерная работа с целью ознакомления широких кругов читателей с русской литературой. К сожалению, если предыдущие этапы восприятия русской литературы в Польше относительно неплохо изучены польскими исследователями (хотя имеется еще немало пробелов),³ то польско-русские литературные связи на современном этапе

⁶⁷ Из авторов, активно занимающихся в настоящее время исследованием различных аспектов художественного наследия Чернышевского, необходимо назвать (кроме упоминавшихся выше) Н. Г. Бландову, М. В. Бокову, Н. А. Вердеревскую, А. В. Карякину, В. Н. Коновалова, Г. П. Курточкину, В. Г. Прохшина и др. Существенно важный вклад в исследование общих принципов литературного стиля писателя вносят также работы, посвященные анализу литературно-критического и публицистического стиля Чернышевского, в особенности работы Б. Ф. Егорова, М. Г. Зельдовича, Б. И. Лазерсон и др.

¹ Полный перечень работ, посвященных польско-русским литературным связям, см. в кн.: Bibliografia rusycystyki polskiej, 1945—1975. Literaturoznawstwo. Warszawa, 1976; см. также статьи в сб.: Studia polonoslavica-orientalia. Acta litteraria, I. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1974; II, 1975; III, 1976.

² См.: Wiątko Kozowicz B. Z dziejów wzajemnych polsko-rosyjskich związków literackich w XIX wieku. Warszawa, 1971; ряд других работ посвящен восприятию в Польше поэзии Пушкина, Лермонтова, Некрасова, А. К. Толстого и др. — см. указанную выше библиографию.

³ Wiątko Kozowicz B. Polsko-wschodniostowiańskie stosunki literackie jako problem badawczy. — В кн.: Studia polonoslavica-orientalia. Acta litteraria, I, s. 7—49.